

BBC

ДОКТОР КТО

ДЕНЬ ДОКТОРА
СТИВЕН МОФФАТ

AD

Доктор Кто

Стивен Моффат

Доктор Кто. День Доктора

«АСТ»

2018

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Coe)-44

Моффат С.

Доктор Кто. День Доктора / С. Моффат — «АСТ»,
2018 — (Доктор Кто)

ISBN 978-5-17-112369-7

На кону – целая Вселенная, и трем Докторам предстоит объединиться, чтобы ее спасти. Десятый охотится на оборотней-зайгонов в Елизаветинской Англии. Одиннадцатый исследует таинственные картины в Национальной галерее в наши дни. А третий – человек, которым они были когда-то, но о ком никогда не говорят, – сражается с далеками на Войне Времени. Ведомый отчаянием, Военный Доктор готовится принять страшное решение, от которого зависит судьба всего мира... решение, которое даже Повелитель времени не может принять в одиночку. В этот день разные воплощения Доктора станут плечом к плечу, чтобы спасти Землю, Вселенную и собственную душу.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Coe)-44

ISBN 978-5-17-112369-7

© Моффат С., 2018

© АСТ, 2018

Содержание

Глава 8	7
Глава 11	18
Глава 1	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Стивен Моффат

Доктор Кто. День Доктора

Steven Moffat

DOCTOR WHO: THE DAY OF THE DOCTOR

Печатается с разрешения Woodlands Books Ltd при содействии литературного агентства Synopsis.

Novelisation copyright © Steven Moffat 2018

Original script copyright © Steven Moffat 2013

Doctor Who is a BBC Wales production for BBC One.

Executive producers: Steven Moffat and Brian Minchin

© М. Шмидт, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Посвящается памяти сэра Джона Хёрта,
благодаря которому этот День настал*

СОЕДИНЕНИЕ УСТАНОВЛИВАЕТСЯ...

СОЕДИНЕНИЕ УСТАНОВЛЕНО...

СОЕДИНЕНИЕ СТАБИЛЬНО.

**ПОЖАЛУЙСТА, ПРИ НЕОБХОДИМОСТИ НАСТРОЙТЕ ФОКУСНОЕ РАС-
СТОЯНИЕ.**

Ох, простите, что-то я рано. Можете пропустить этот раздел.

Я серьезно, увидимся после первой главы, переверните страницу, и всё.

Нет, правда, я просто кружку чая на кнопку «Отправить» случайно поставил. Листайте дальше, не обращайтесь на меня внимания.

Ох, вы все еще здесь. Понимаете, беда в том, что я пишу вот это прямо сейчас, в реальном времени. Чем дольше вы читаете этот текст, тем дольше мне приходится его писать. Люди книгу ждут, а вы всех задерживаете.

Ну вот, теперь вы еще и хихикаете. Я знал, что на психобумаге книгу выпускать не стоит, но народ любит всякие диковинки. Пожалуйста, просто перелистните страницу. Или промотайте вперед, если слушаете аудиокнигу. А если вы читаете это на каком-нибудь планшетном компьютере, просто поймите, что вы – единственный вид во Вселенной, который считает, что от этих штуковин есть толк.

Да господи ты боже мой. Ну ладно, раз уж вы решили остаться здесь, можно и какое-нибудь предисловие сообразить. Извините за возможные опечатки – как я пытался объяснить, этот раздел пишется в реальном времени, я подключаюсь к странице книги у вас в руках с помощью психической межвременной и межпространственной связи. И, разумеется, необходимость удерживать эту связь с таким количеством когнитивно-бумажных интерфейсов во множестве временных зон для тысяч читателей может не самым лучшим образом сказаться на орфографии. А еще я только что уронил на клавиатуру мороженое, и у меня буква Р немного залипла. Но прррррродолжим, да?

Простите, кто это там болтает? Пожалуйста, не надо меня перррребивать, это очень грубо.

Спасибо!

Ой, кто-то только что закрыл книгу и положил обратно на полку. Полагаю, они были в книжном магазине. Не самое обнадеживающее начало, скажу я вам. Ну и ладно, без них даже лучше. Вон, в отдел детективов потопали. Ничего-ничего, туда им и дорога.

Ну что ж, те, кто остался, – не отвлекаемся, я с вами. Пожалуйста, не листайте книгу вперед или назад, я терпеть не могу повторяться. Особенно заранее.

Итак, «Записки Доктора», из которых состоит большая часть книги, написаны не в прямом эфире. Эти разделы – скорее исключение, потому что я самую чуточку не успел вовремя сдать текст. Собственно говоря, вынужден признаться, что пишу вам из будущего, десять лет спустя. Да, знаю, это провал, но лучший способ напомнить себе о том, что книгу пора бы уже начать, – это увидеть ее на прилавках магазинов.

Начнем мы с главы под номером восемь. Понимаю, это немного необычно, но поскольку история посвящена окончанию Войны Времени, правильного хронологического порядка в ней просто нет, а раз так, то почему бы и не начать с событий на планете Карн. А еще мне нравится цифра 8. Она как будто качается и бурлит, словно два шарика желе один на другой надели.

Глава называется «Ночь Доктора». Этот документ получен из надежного источника и написан одним из непосредственных участников событий. Обстоятельства его создания сложны и спорны, но личность автора должна стать очевидна в ходе чтения. Кстати сказать, это и станет вашим первым заданием, господа ученики. Прочтите этот текст внимательно. Наша тема на сегодня – авторство. Вопрос номер один: кто пишет? Увидимся позже, чтобы подробно обсудить первую из «Заметок Доктора». Или восьмую. Не суть.

Далее следует достоверный рассказ о том, как на самом деле завершилась Война Времени. Но не обязательно в этом порядке.

(Кстати, этот текст должен быть курсивным. Если нет, пожалуйста, слегка постучите трижды по любому глаголу, и страница перезагрузится. А если вам что-нибудь не нравится в моем стиле изложения, потрясите книгу как следует. Может быть, успокоитесь.)

Глава 8

Ночь Доктора

В день, когда я убил Доктора, он был счастлив. Впрочем, поскольку порадовал его сигнал бедствия от перепуганной женщины, которая умерла менее чем семь минут спустя, моя совесть чиста.

В то время он был Восьмым – и эта его инкарнация стала последней. Я почти позабыл внешность, но смутно припоминаю темные волосы, встревоженные голубые глаза и стиль в одежде, который, как я понимаю, должен был считаться лихим и бесшабашным. Кажется, на нем были сапоги, возможно, жилет и определенно пальто, – из тех, что носят молодые люди, поднимая воротник в надежде, что кто-нибудь увидит в них байронических героев. Он, конечно же, был немолод. Ни единого человека на свете нельзя назвать молодым в день смерти, ведь постареть еще больше ему никогда уже не суждено. Но вот голос, разнесшийся эхом по скрипучему деревянному собору консольной комнаты ТАРДИС, и впрямь был молодым и сверх меры испуганным.

– Прием, прошу вас, ответьте кто-нибудь! Корабль падает, пожалуйста, если кто-нибудь меня слышит, ответьте!

Стоит помнить, что все происходило в самый разгар Войны Времени – бесконечной и варварской битвы между далеками и Повелителями времени, которая несла угрозу каждому мгновению в истории. Странно осознавать, что самое смертоносное противостояние на свете развернулось между расой мутантов в крохотных боевых резервуарах и народом путешествующих во времени профессоров, которые поклялись никогда больше не вмешиваться в дела Вселенной. И все же настал день, когда Повелители времени с планеты Галлифрей решили, что далеки представляют угрозу для всей реальности, и попытались стереть их из истории с помощью своего умения путешествовать во времени. Попытка не удалась, и далеки в ответ использовали собственные машины времени, чтобы стереть из мироздания своих обидчиков. Так время стало орудием в бесконечной войне, и битва охватила не только настоящее, но также будущее и прошлое истории мира. Дни стали линиями фронта, век обратился против века, побочные потоки времени стали бороться за право существовать. Говорили, что солдат мог умереть на этой войне тысячу раз, а на следующий день обнаружить, что и вовсе никогда не рождался. Поэтому, когда Доктор услышал призыв о помощи, миллиарды по всей Вселенной страдали ничуть не меньше этой загадочной девушки. Ей просто повезло больше, чем всем остальным, кто в тот миг кричал и молил о спасении. Ее мольбы услышал человек, который ошибочно считал себя героем.

Доктор всегда любил сигналы бедствия. Они тешили его тщеславие. Он жил ради восторга, который испытывал, когда входил в комнату и видел, как все лица обращаются к нему с надеждой и трепетом. Опасность тоже была восхитительна. Более того, со временем она стала ему необходима. Лишь опасность служит единственным болеутоляющим от чувства вины. И единственным наркотиком, который мог подарить Доктору желанную эйфорию.

Отставив чай, он в считанные секунды отследил сигнал и обнаружил маленький боевой корабль, падающий на красную планету. На борту числилось лишь одно живое существо, и все двигатели оказались неисправны. Изменить курс корабля было невозможно, захватный луч, скорее всего, раздробил бы корпус, а значит, оставался лишь один выход – эвакуация вручную. Доктор собирался приземлиться на борту, представиться как можно театральнее и забрать девушку с собой в ТАРДИС. Ах, как же счастлива она будет его видеть. На миг Доктор задумался, не стоит ли прихватить с собой и кружку чая, но решил, что жаль будет его разлить.

– Прошу, пожалуйста, кто-нибудь!

Страх в ее голосе разбил бы любое сердце. Доктор усмехнулся. В последний раз он ударил по рычагам, загрохотал двигателями и отправил ТАРДИС на помощь. Никто его не слышал, но Доктор радостно гикал и хохотал. Если что и решило судьбу Доктора в тот последний час жизни, это был его смех. Я никогда и ни за что не хотел больше слышать этот смех.

Голос принадлежал юной девушке по имени Касс Фермацци. Она была умна, отважна и обречена. Годы спустя, когда я сумел вернуть останки Касс остаткам ее семьи, я узнал, что она выросла на одной из фермерских планет Пояса Газронд и в четырнадцать лет пробралась зайцем на грузовой звездолет. Она хотела повидать чудеса Вселенной, но обнаружила, что никаких чудес уже не осталось. Осталась лишь война, способная погубить всю реальность. Поначалу Касс пыталась бежать, но однажды, помогая старому солдату умереть под пылающей луной в кратере, полном грязевых змей, она поняла, что прятаться больше негде. Следующим утром добрый медтехник закрыла солдату глаза, сняла с него патронташ и отдала Касс – вероятно, решила, что та была подругой или родственницей погибшего. Касс взяла патронташ, затащила на груди и решила, что пришла пора бежать в обратном направлении.

Три месяца спустя она вступила в команду боевого корабля. За прошедшие с тех пор четыре года она успела встретить Дитя Кошмара и остаться в живых, оплакать погибших в побоище на Черепной Луне, сразиться с врагом в руинах Ультерия. В последний день своей жизни вместе с командой она успешно отразила налет флота далеков на кормовые ульи Вантросса. Но после, когда экипаж взял курс на безопасное место, на них напал один из боевых крейсеров Повелителей времени – за годы войны они стали убивать всех без разбору, так же, как и далеки. Касс поняла, что ее корабль сносят с небес лишь потому, что он загородил Повелителям времени обзор на отступающих далеков.

Только она одна не стала паниковать. Телепортировала всю команду на ближайшую планету, а потом, когда телепортировать ее саму стало некому, Касс поняла, что безопасно приземлиться не удастся, и наконец-то позвала на помощь.

– Прошу, помогите! Меня слышит кто-нибудь? Помогите! – Она заколотила по перегревшейся консоли кулаками.

– Пожалуйста, опишите характер вашей болезни или травмы, – отозвался медкомпьютер.

– Я не ранена, я падаю! Мне не нужен доктор! – закричала Касс.

– Подробное описание симптомов поможет нам подобрать для вас наиболее подходящего врача. – На экране появилось компьютерное лицо. Оно попыталось изобразить ободряющую улыбку, но вышла она такой, что утешала даже меньше, чем стремительно приближающаяся поверхность планеты в иллюминаторе.

– Я пытаюсь послать сигнал бедствия, хватит уже про докторов!

Самое тщеславное эго во Вселенной просто не смогло бы промолчать в ответ на подобное.

– Я доктор, – раздался голос у нее за спиной. – Но, вероятно, не тот, которого вы ждали.

Касс повернулась и увидела мужчину, который очень красноречивым образом бесечно прислонился к стене. В ее мыслях заметалась тысяча вопросов, но он уже шагнул к пульту управления.

– Где остальные члены экипажа?

– Телепортировались с корабля.

– Но вы еще здесь. – Руки мужчины уже танцевали по консоли. Он что, не поверил ей на слово?

– Их телепортировала я.

– Почему вы?

– Все остальные кричали.

Он посмотрел на Касс и улыбнулся, будто она прошла некую проверку.

– Добро пожаловать на борт.

– На борт чего?

– Сейчас покажу! – И вдруг он схватил ее за руку (кто ему вообще это разрешил?) и вытащил из кресла пилота.

Корабль выл и стонал, главный коридор изгибался и извивался – все равно что бежать по беснующейся змее. Повсюду воняло плавленным металлом, Касс чувствовала жар раскаленного пола через ботинки. Ее капсула сна была объята огнем, и все ее личные вещи сгорели.

– Куда мы бежим? – едва сумела выговорить она.

– На корму корабля!

– Зачем?

– Затем, что нос разобьется раньше, догадаться нетрудно!

Это шутка? Он пошутил? Этот человек тратил драгоценное время на шутки? И откуда он вообще взялся? Но постойте-ка, если он как-то сумел попасть на корабль, значит, и знал, как с него сбежать? Касс ощутила опасный прилив надежды. И в этот самый миг остальная часть коридора с лязгом исчезла прямо у них на глазах. Тяжелая взрывозащитная дверь возникла перед ними, отрезав путь, и Касс Фермацци наконец поняла, что скоро погибнет.

– Ну вот зачем, зачем так делать? – услышала она бормотание мужчины. Но казалось, он лишь слегка сердит, как человек, пытающийся уговорить мыло в ванной перестать выскальзывать из рук.

– Аварийные протоколы, – объяснила Касс, будто это еще имело какое-то значение.

В руках мужчины возник серебристый жужжащий стержень, который он направил на дверь.

– Как вас зовут? – спросил он.

Еще и беседу завести решил? Неужели он всерьез полагал, что она не прочь поболтать?

– Касс. – Мда, видимо, она и впрямь была не прочь.

– Вы слишком молоды для службы на боевом корабле, Касс.

Нет, рассказывать ему историю своей жизни она точно не станет, не время.

– Хотела повидать Вселенную. Неужели всегда так? – Да с чего она вообще решила подержать разговор?

– Если повезет. – Он улыбнулся, и дверь распахнулась. Касс едва успела удивиться, как это вышло, когда он снова схватил ее за руку. Они бросились дальше и остановились перед...

Что это было такое?

Нечто похожее на высокий синий деревянный ящик с панелями и решетчатыми окнами. Как ни странно, сверху над дверьми были слова «Полицейская телефонная будка», а на крыше – неужели фонарик? Но это было еще не все. Касс никогда прежде не видела эту будку, но та что-то пробудила у нее в душе, может быть, родовую память. Даже новорожденный ребенок знает, что солнечный свет нужно любить, а бури – бояться, и с той же самой первобытной уверенностью Касс знала, что воплощает собой эта потрепанная синяя коробка. Для нее и для каждого. Это было чистое зло.

А он тянул Касс за собой, к ней. Касс машинально отшатнулась.

– Все хорошо, – сказал мужчина, подходя к синим дверям. – Она больше изнутри, чем снаружи.

И тут Касс поняла свой страх.

– Что вы сказали? Вы сказали «больше изнутри»?

– Да, пойдете, вам понравится!

– Это... – На мгновение она осеклась. Даже на падающем корабле, за мгновения до смерти, ей было страшно произносить это опасное слово. – Это ТАРДИС?

О, этот его взгляд. Как у обиженного младенца. Воспоминание о лучших днях и утраченном волшебстве.

– Да, – ответил он. – Но вам ничего не грозит, обещаю.

Касс выдернула руку.

– Не прикасайтесь ко мне!

Он снова потянулся к ней, но отпрянул от одного ее холодного взгляда.

– Я не сражаюсь в войне, – сказал он. – Клянусь. И никогда не сражался.

– Вы Повелитель времени. – Да, это было очевидно, со всей его самонадеянностью и высокомерием.

– Да, но хороший! – А теперь он еще и решил, что сумеет ее обаять. Когда же наконец они осознают свою суть?

– Не подходите!

– Посмотрите на это со светлой стороны, я ведь не далек!

Касс взглянула на него и почувствовала, как содрогнулась Вселенная...

Но нет! Это уже слишком. Я очень стар и, возможно, порой излишне увлекаюсь. По правде сказать, никто не знает точно, что происходило в мыслях Касс в тот миг, но все же я думаю, что могу угадать. У каждого из нас есть свой холм, где мы готовы однажды с радостью умереть. Если повезет, настанет день, когда мы окажемся на нем. Для Касс этот день настал.

– Далек, Повелитель времени – теперь уже нет никакой разницы! – сказала она и шагнула назад, за дверь. Затем ударила по красной кнопке и включила аварийный замок. Ее корабль, как и все прочие, был защищен от Повелителей времени, и пришла пора выяснить, хороша ли защита. Через оргстеклянную панель Касс смотрела, как он пытается открыть дверь своим жужжащим серебристым стержнем. Дверь задрожала, но не поддавалась.

– Касс! Касс!

– На двери тупиковый замок. Даже не пытайтесь!

– Просто откройте, прошу вас, я лишь хочу помочь!

Помочь? Как он мог подумать, что хоть кто-то в это поверит?

– Возвращайтесь на поле боя! Вы ведь еще не закончили, от Вселенной еще хоть что-то осталось! – О, как приятно ей было произносить эти слова. Видеть, как они его ранят.

– Я не уйду отсюда без вас!

Эта мольба в глазах, эта жажда доверия. Больше того – жажда восхищения, жажда обожания. Боже, и что теперь, она должна была счесть его героем? Все они были одинаковые – тщеславные, своенравные дети с двумя сердцами. Неужели он правда готов был остаться и сгореть вместе с ней? Что ж, ему решать! Касс Фермацци улыбнулась, ощутила последний миг радости в своей жизни и сказала:

– Значит, вы умрете здесь и сейчас. Лучшая новость за день.

Корабль лязгал и скрипел вокруг нее. Свет становился ярче, жар – нестерпимее, но теперь ей даже было весело.

– Касс! – кричал он. – Касс!

Да, думала она, глядя в его нелепое, искаженное мукой лицо. Повторяй мое имя, Повелитель времени. Умри с моим именем на устах.

Точно так и поступил Доктор, но не в последний раз за тот день.

– Наконец он здесь, – раздался голос. – Человек, который положит всему конец.

Доктор попытался пошевелиться, открыть глаза, но не вышло. Голос он не узнал, но, кто бы ни говорил, речь наверняка шла о нем, Докторе. Такие слова всегда касались именно его.

– Сестры, Доктор вернулся на Карн.

Вот, пожалуйста. О нем! Доктор задумался, не стоит ли приоткрыть один глаз и пошутить что-нибудь забавное. Люди такое любят. Или вдруг рывком сесть и широко улыбнуться. Но когда он попытался сделать это, снова ничего не вышло.

Нет, погодите-ка, как она сказала? Карн? Знакомое название. Доктор решил, что неплохо бы сделать пометку об этом в блокноте, а потом вспомнил, что блокнота у него нет. И ручки

тоже. И возможности пошевелить хотя бы пальцем. Доктор решил сделать хотя бы мысленную пометку, но почти сразу забыл, о чем только что думал. Черт, надо было сделать пометку!

Снова послышался голос:

– Так было предначертано. Мы всегда знали, что однажды он вернется сюда.

И вот опять про него. Подобное было очень в стиле Доктора. Долгожданное возвращение! Наверное, очередное пророчество о битве с древним врагом, восставшим из страшной бездны. Ничего удивительного, все как всегда. Доктор хотел вскочить на ноги, красиво и со свистом рассечь воздух своим пальто и отправить кого-нибудь за чаем. Но мир был все так же черен, а камни, на которых он лежал, – все так же холодны. Может быть, хоть Касс его выручит. Он ведь ей только что жизнь спас, верно? Сейчас она придет и поможет. Услуга за услугу, что посеешь, то и пожнешь.

Кто-то погладил его по щеке. Очень теплой рукой. Или это его лицо отчего-то стало вдруг очень холодным? Любопытно. Доктор совершенно не помнил, с чего это вдруг он так похолодел.

Голос зазвучал вновь, уже совсем близко, и Доктор ощутил теплое дыхание на лице:

– Очень жаль, что он мертв.

О! Мертв, правда? В таком случае это несколько меняет...

Умерший Доктор не знал ничего о своем последнем пути через тот бесплодный мир. Лишь вороны Карна видели, как его несут в пещеру, где в самом конце мы с ним сошлись лицом к лицу.

Ай! Кто-то ударил Доктора по щеке, и на губах его остался горький привкус. Он оказался где-то в другом месте, сидел на каменном полу. Ветра больше не было, а значит, должно быть, Доктор очутился в некоем помещении. Судя по всему, в пещере – слышно было, как где-то рядом капает вода. Вокруг что-то происходило – он чувствовал запах дыма и треск факелов. А затем услышал и негромкий ропот женских голосов. Была ли Касс среди этих женщин? Разумеется, была! Наверное, именно она и затащила его в укрытие, после того как он спас их обоих с падающего корабля. Только вот вспомнить бы, как именно он это сделал. Доктор решил открыть глаза сразу же, как вспомнит.

– Касс! – крикнул кто-то. Отлично! Она явно где-то рядом и невредима. – Касс, Касс!

Голос был мужской, надтреснутый, полный отчаяния и такого ужаса, что Доктор не сразу понял – это был его собственный голос. От изумления он распахнул глаза.

Она была стара и облачена в алые одежды. Лицо ее было морщинистым, но глаза сверкали. Она склонилась над Доктором, а за ее спиной вдоль освещенной огнями стены стояли несколько других женщин в алом. Они были моложе, но бледны и бесстрастны, как мертвецы. Каждая держала в руках по кубку, от которого шел пар.

– Если ты говоришь о своей спутнице, – сказала пожилая женщина, – то мы до сих пор пытаемся извлечь ее из-под обломков корабля. Тебя отбросило в сторону.

А! Обломки корабля. Значит, Касс все еще там. Доктор вспомнил ее лицо и взгляд, когда она поняла, кто он такой.

– Она не была моей спутницей, – ответил он.

– Она почти наверняка мертва. В таком крушении никто не смог бы выжить.

– Но я же смог!

– Нет.

Это страшное слово прозвучало совершенно равнодушно. Доктор изо всех сил постарался ничем не выдать своих чувств.

– Мы вернули тебя к жизни, – сказала старуха. – Но это лишь временная мера. У тебя чуть меньше четырех минут.

Доктор держал за правило никогда не паниковать раньше времени. Если ему осталось всего четыре минуты, пора взять все в свои руки.

– Четыре минуты! – возразил он. – Да ведь это целая вечность! А вдруг мне станет скучно? Нужен телевизор, пара книг, в шахматы сыграть никто не хочет? И вязание принесите.

– Тебе осталось совсем немного, используй это время с умом.

С удовольствием, подумал Доктор и быстро оценил обстановку. Шесть женщин в комнате, считая старуху. Два выхода! Один явно вел наружу из пещеры, а другой – вглубь, в гору. Стойте, как он вообще догадался, что там гора? Неужели он бывал здесь раньше? Ах да, она ведь сказала название планеты, и он уже его слышал. А пещера? Она и впрямь выглядела довольно знакомо. Что ж, пора пощеголять знаниями, если только удастся хоть что-нибудь вспомнить.

– Погодите-ка, это вы? Точно, вы! – Ну разумеется, теперь он понял. – Я снова на Карне? – торжествующе спросил Доктор. – А вы – Сестринство Карна, хранительницы очага страшной скуки!

Старуха сверкнула глазами.

– Вечной жизни! – рявкнула она.

– Именно! – По ее взгляду Доктор понял, что попал в точку. Пора закрепить успех. Он поднялся на ноги, но тут же ощутил, как все тело отказывает, и от боли чуть не рухнул наземь. Встряхнись, велел он себе. Больно будет недолго.

– Насмехайся над нами сколько пожелаешь, – сказала старуха. – Но наш эликсир может запустить твою регенерацию. Вернуть тебе жизнь.

Любопытно. Они что же, хотят помочь? На Галлифрее ходили слухи, что Сестры Карна могут помочь регенерировать смертельно раненному Повелителю времени – но с чего их вообще заботит его судьба? Да и потом, точно ли он хотел пережить все это снова? Разорваться на части, собраться воедино в другого человека лишь затем, чтобы снова видеть, как пылает Вселенная? Он вспомнил, как его старый наставник на лекции в академии рассказывал ученикам о перемене, которой все они так страшились.

– Вы шагнете прямо в бурю, – говорил Боруса. – А выйдет из нее незнакомец. И этим незнакомцем будете вы.

Вновь стать чужаком самому себе. Зачем? Какой теперь в этом смысл?

Старуха указала на кубки, которые держали остальные.

– Мы развили науку Повелителей времени. На Карне перемена не обязана быть случайной. – Она шагала меж сестер, указывая то на один кубок, то на другой. – Кем хочешь стать? Толстым или худым? Молодым или старым?

Доктор почти рассмеялся. Он оказался в магазине, где товаром служило его возможное будущее!

– Мужчиной или женщиной? – многозначительно спросила она.

Рыжим? На секунду он задумался об этом, но промолчал.

Охла смотрела на него выжидательно. Доктор озадачился тем, откуда вообще вдруг узнал ее имя, и только потом понял, что перевел крошечную надпись на ее левой серьге. Славно, хоть что-то он еще может.

– Зачем вам это? – спросил он.

– Ты уже помогал нам в прошлом.

Разве? Доктору вспомнилось, как его привязали к столбу прямо в центре этой комнаты, а вокруг лежал хворост и горели факелы. «Что посеешь, то и пожжешь», подумал он и решил не говорить вслух, но вдруг понял, что уже сказал.

– Сестринство Карна благодарностью не славится.

– Война между далеками и Повелителями времени угрожает всей реальности. Ты – наша последняя надежда.

Ну разумеется. Им было страшно. Но почему все вечно ждут, что он будет воевать?

– Это не моя война, – сказал он. – Я не стану в ней участвовать.

– Ты не сможешь вечно бежать от нее.

Бежать? Доктор задумался. Вряд ли хоть кто-то во Вселенной может убежать от войны, которая происходит одновременно в каждом мгновении истории.

– Я помогаю, где могу. Но сражаться не буду.

– Потому что это ниже твоего достоинства?

Да, подумал он. И вслух ответил так же.

– Потому что ты «хороший человек», как ты сам себя зовешь?

– Я зову себя Доктором.

– Ты считаешь, что это одно и то же.

– Мне хотелось бы так думать.

Охила посмотрела ему за спину, где что-то происходило. На ее лице возникло новое выражение. Лукавство? Или просто жестокость?

– В таком случае, Доктор, – сказала она, – вам пора осмотреть пациента.

В пещеру вошли еще двое Сестер. Они несли что-то похожее на мешок. Но когда они положили это нечто на алтарь в центре комнаты, на миг Доктор лишился дара речи.

С виду она была так мала. Вокруг груди у нее был надет патронташ. Слишком старый, чтобы принадлежать ей изначально. Доктор задумался о том, кто мог дать ей этот патронташ. Должно быть, этот кто-то был ей очень дорог или же она была дорога ему. Мысль об этом ранила Доктора.

С помощью отвертки он просканировал тело Касс, но заранее знал, что признаков жизни не увидит.

– Ты напрасно тратишь время, – сказала Охила. – Теперь ей не сможем помочь даже мы.

«Да знаю я!», – хотелось ему крикнуть прямо ей в лицо. Но он сказал лишь:

– Она хотела повидать Вселенную. – Потому что эти слова были правдивы и причинили ему боль.

– Она не так уж много упустила. Вселенной почти пришел конец.

– Я мог бы ее спасти. Мог бы вытащить с того корабля, но она не стала слушать.

– Значит, она была мудрее тебя. И понимала, что от Войны Времени не спастись нигде.

И ты тоже ее часть, Доктор, хочешь ты того или нет.

– Лучше умереть, – ответил он искренне. Не быть воином, подумал он. Таково обещание.

Не быть жестоким, трусливым. Ни воином, ни солдатом. Доктор чувствовал, что клокочет у него в груди: гнев, которому никогда не стоило давать волю. Лучше сразу умереть.

– Ты уже мертв, – сказала Охила. – Скольким еще ты позволишь разделить ту же участь?

Он заставил себя посмотреть в лицо Касс. В нем больше не было упрека. Ни ненависти, ни страха – ничего. Лишь еще одно загубленное дитя. Еще одно, Доктор!

– Что бы она сказала, если бы могла?

– Мне? Ничего. Я Повелитель времени. Я воплощаю собой всё, что она презирала.

– Если бы она поняла, каков ты, поняла, какой властью ты можешь завладеть, она бы молила тебя о помощи. Как молим сейчас мы. Вселенная стоит на краю пропасти. Позволишь ли ты ей упасть?

В ее голосе не было ни презрения, ни жестокости, ни лукавства. Лишь мольба.

Сколько еще? Сколько еще детей умрут, сгорят дотла, пока он будет стоять в стороне? Доктор знал, что не должен быть воином. Но кто-то словно шептал ему на ухо: «Сколько еще погибнет, Доктор, пока ты боишься очернить свою душу и обагрить руки?» Он почувствовал, как крепко хватается за каменный стол, пытаясь заглушить этот ужасный, запретный голос.

«Сколько еще, Доктор? – настаивал тот. – Сколько людей должны пострадать и умереть, прежде чем ты решишься действовать?»

Охила снова шагнула к кубкам.

– Быстрый или сильный? – спросила она. – Мудрый или злой? Что тебе нужно сейчас?

Доктор слышал, как стучат в его висках кровь и ярость. К своему удивлению, он обнаружил, что снимает с бездыханного тела Касс патронташ. Ведь это делал он? Казалось, что нет. Он поднял патронташ перед собой, будто изучая. Патронташ оказался чище всей остальной одежды Касс, и его явно не раз латали. Видно было, что Касс он был очень дорог, – она не снимала его до конца. Кто-то где-то был бы очень рад узнать об этом.

– Воин, – услышал он свой голос.

Охила посмотрела на него.

– Воин?

– Вряд ли хоть кому-то теперь нужны доктора. Сделай меня воином. – Голос был его, но как он мог говорить такое? Будто кто-то другой произносил эти слова.

Охила дала ему кубок.

– Я взяла на себя смелость приготовить этот сама.

Кубок был теплым, а запах сначала показался горьким, а потом сладким.

– Прочь! – сказал он. – Все вы, прочь!

Он услышал шаги. Сестры уходили в тень.

– Будет больно? – спросил он.

Голос Охилы казался таким далеким.

– Да, – ответила она.

– Хорошо, – сказал он и поднял кубок. Теперь он был совсем один, но в последний миг вспомнил те времена, когда было иначе. Всех друзей, которые его берегли.

– Чарли, Керизз, Люси, Тэмзин, Молли, Фитц. Друзья и спутники, которых я знал, – я воздаю вам дань. – Он посмотрел на загубленное дитя на алтаре. – И Касс... Прости меня.

Он уже почти поднес кубок к губам. Одно последнее прощание с человеком, которым он был прежде.

– «Врачу, исцелися сам».

Доктор выпил яд и шагнул в бурю.

Незнакомец пробудился. Его руки выглядели иначе, но он знал, что это лишь малая часть перемен. Поднявшись на ноги, он почувствовал, как ноет каждый нерв, каждый мускул: неверно, неправильно, не так, как надо. Нет, поправил он себя. Просто не так, как раньше. По-новому. Он вспомнил, что нужно дышать, и даже дыхание ощущалось странно. Он попытался сосредоточиться на комнате вокруг. Цветовой баланс тоже сильно изменился. Красный немного позеленел, желтый совсем пошел вразнос. Он знал, что привыкнет, но сразу никогда не удавалось. Порой ему не хватало монохромного мира первых двух его инкарнаций. То время, казалось, было проще, чище – немало веков прошло, прежде чем он понял, что тогда просто не различал оттенков. Он огляделся, проверяя фокусное расстояние, и увидел перед собой прекрасную женщину.

– Готово? – спросила Охила.

Готово? Что готово? Он задумался об этом, а затем увидел Касс, лежащую на алтаре, и это зрелище снова причинило ему муки. Хорошо, подумалось ему, по крайней мере совесть его не оставила. Но что-то иное, новое примешалось к этой знакомой боли, сверкнуло, как змеинный глаз в темноте. Что это было за чувство? Гнев? Жажда мести? Стоит ли об этом волноваться? Он провел рукой по лицу. Не так, все не так!

Нет. Не так, как раньше. По-новому. Новое лицо нового человека.

В пещере зеркал не было, но на одной из ровных стен висела полированная броневая пластина – пережиток некой древней битвы. Пожалуй, сойдет.

Сначала он заметил, что патронташ Касс теперь у него на груди. Когда он успел его надеть?

Затем он поднял взгляд и посмотрел себе в глаза.

После регенерации наступает миг, когда угасающая душа прежнего человека смотрит в глаза новому. Поэтому в зеркало посмотрел Доктор – но в ответ на него взглянул я. Мы стояли, Доктор и я, один человек, лицом к лицу. Конец и начало.

Я заметил, что рост мой остался почти прежним. Волосы стали короче, но остались темными. Тревожные синие глаза исчезли, их сменил холодный как лед взгляд. Поначалу этот взгляд обеспокоил меня. Но то было время войны, и я возродился для битвы; я был готов увидеть тьму этого мира.

Я осмотрел свое лицо с обеих сторон. Я стал моложе? Или старше? Во мне была некая изможденность, болезненность, поэтому понять было сложно. Передо мной стоял человек, который видел немало ужасов и больше не желал это скрывать. Да, подумал я. Неплохо. Правильно.

Я не отвел взгляда и заговорил. Слова прозвучали холодным шепотом, вкрадчивым скрипом. Так звучала бы дрожь, если бы ее можно было услышать.

– Доктору конец, – сказал я.

СОЕДИНЕНИЕ УСТАНОВЛИВАЕТСЯ...

СОЕДИНЕНИЕ УСТАНОВЛЕНО...

СОЕДИНЕНИЕ СТАБИЛЬНО.

ПОЖАЛУЙСТА, ДЕРЖИТЕ КНИГУ ПРЯМО И ВЫКЛЮЧИТЕ МОБИЛЬНЫЙ ТЕЛЕФОН

Много лет спустя, в обстоятельствах слишком скандальных, чтобы о них рассказывать, я спросил Охилу, что же все-таки было в том кубке.

– Лимонад с сухим льдом, – призналась она, и я зажег ей сигару. – Или что-то вроде того. Я спешила, а обставить все нужно было как можно театральнее.

– Но Доктор ведь в самом деле стал воином.

– Глупое дитя. Он был воином всю свою жизнь. Вселенной просто нужно было, чтобы он наконец признался в этом самому себе. Потому я и разыграла небольшой спектакль, чтобы убедить его передумать.

– И он даже не заподозрил обмана?

– Доктор знал, что тьма всегда таилась у него в душе. Позволить ему притвориться, что она пришла извне, было даже по-своему милосердно. У него и без того с тех пор было немало забот, и мне не хотелось обременять его еще и ненавистью к себе.

– Выходит, ты просто была к нему добра.

– Скорее дальновидна. Доктор успел побыть множеством разных людей, на самоедство ушел бы целый день.

– Ты знала, чем все кончится?

– Разумеется, знала. Сестринство знает все. Но иного выбора не было. Никто другой не способен был сотворить то, что мог он. Он всегда был особенным, во многих отношениях. Глупое дитя.

Ах, Охила, прекрасная женищина и крайне изобретательный мастер игры в дартс. Она любит порой почитать мне нотации о политике на тему полов, но и чаем при этом угощает чудесным.

Итак, большинство из вас – ученики прилежные, и о Докторе вы знаете очень много. А значит, вам известно, что с ним случилось дальше. Воин, известный ранее как Доктор (или Доктор Войны, как люди порой упорно называли его, несмотря на все возражения), отпра-

вился в самый кровавый военный поход в истории известной, неизвестной и частично известной Вселенной. Говорили, что он чувствовал боль от каждого удара, который наносил, оплакивал каждую отнятую жизнь, но ничто не могло его остановить, замедлить или заставить свернуть с выбранного пути. Он стал воином, чтобы положить конец войне, и ради этой цели бился яростнее любого солдата. Гнев Доктора Войны нередко становился последним, что видели в своей жизни миллиарды его врагов. Он принял командование во время побоища на Черепной Луне, сражался в Аркадии, когда та пала, боролся, чтобы не допустить восхождения Дитя Кошмара, видел семь смертей Давроса, руководил последним наступлением по склону Небывалого Свода.

Прошли века. Доктор постарел и понял, что все было напрасно. Пока во Вселенной живы далеки и Повелители времени, война не закончится никогда. И теперь, когда его собственный народ в своей жестокости стал подобен своим же злейшим врагам, Доктор начал понимать, что выход есть лишь один. Как известно, он проник в хранилища Повелителей времени, похитил Момент – мощное оружие из древних времен Галлифрея – и с его помощью уничтожил всех далеков и всех Повелителей времени до единого. Всего мгновение жесточайшего кровопролития – и вдруг во всей Вселенной воцарился мир. Но только не в сердцах одинокого странника, который снова стал называть себя Доктором. Он не ждал, что уцелеет, и продолжил жить в уверенности, что жизнь – его кара, а цель – покаяние.

Стоит отметить, что покаяние было искренним. Он путешествовал по галактикам и всюду, где оказывалась ТАРДИС, приносил мир, надежду и добро. Со временем люди Вселенной забыли войну, и никто больше не говорил и ничего не слышал о ней – не считая лишь тех отважных, кто смотрел в глаза последнего Повелителя времени и спрашивал, что его гложет.

Все это вам известно. Но это не все, далеко не все. Мы переходим ко второй из «Заметок Доктора», которую нельзя назвать никак иначе, кроме как «Одиннадцатой главой». Да, знаю, знаю, но, как я уже объяснил, правильного порядка в этой истории нет. Шаткое-валкое время-шремя, как написал однажды один болван. Прежде чем мы начнем, мне хотелось бы знать: многие ли из вас догадались, что предыдущую заметку написал сам Доктор, раньше, чем это стало очевидно? Поднимите руки, пожалуйста. Давайте-давайте, не стесняйтесь. Неважно, где вы сейчас, я вас все равно вижу. Ой-ой, сколько книг вдруг разом захлопнулись. Извините, конечно, но я не виноват, что вы в таких местах решили посидеть-почитать.

Кстати, все, кто сейчас читает этот текст на работе, – стыдитесь, господа. Да, это я вам говорю. И вам. Прячьте книгу под стол сколько хотите, никого вам не обмануть. И господа ты божье мой, Крис, положи ее сейчас же, у тебя и без того работы полно.

Так, посчитаем...

О, а ведь немало кто догадался. Молодцы, до многих не доходит. Интересная черта повествования Доктора заключается в том, что он почти всегда говорит о себе в третьем лице. Очень редко пишет «я», а все чаще – «он». Почти всегда – «Доктор».

На этот счет есть много теорий. Моя любимая гласит, что «Доктор» – титул, который он сам выбрал, а не имя, данное ему при рождении, – это скорее идея у него в мыслях, чем именование его как личности. Доктор – это человек, которым он стремится быть, а не которым себя считает. Но что же в таком случае означают его оговорки? Ведь далеко не раз, порой намеренно, а порой как будто бы случайно «Доктор» становится «мной». Могут ли это быть минуты слабости или даже страха, когда он считает, что не отвечает меркам, которые задал себе сам давным-давно?

Также вы заметите, что он с удовольствием изобретает внутренние монологи других людей, чем выдает свое привычное высокомерие. Однако, справедливости ради, Доктор обладает феноменальными способностями к эмпатии и даже низкоуровневой телепатии, так что не стоит полагать, что все эти чужие мысли вымышлены целиком и полностью.

На этой ноте я предлагаю вам угадать автора следующей заметки: «Полет Доктора». Авторство останется темой всей книги, и не всегда определить его будет легко, так что, прошу вас, читайте внимательно.

Мы возвращаемся к Доктору много веков спустя после окончания Войны Времени, когда воспоминания о ней стали меркнуть, даже для него. В этот период своей жизни он счастлив, прослыл для многих героем и почти позабыл о своем опасном прошлом. И все же ему придется вспомнить, что для путешественников во времени прошлое в прошлом никогда не остается.

Глава 11

Полет Доктора

Доктор был молод, что весьма радовало и, надо отметить, с ним случалось довольно редко. Тем утром в ТАРДИС, попивая чай с печеньем «Джемми-Доджерс», он вспомнил, как впервые увидел и как следует рассмотрел свое нынешнее лицо. День тогда выдался весьма насыщенный, объяснял Доктор Кларе, которая слушала очень внимательно, как и всегда. Он только-только в очередной раз крупно не поладил с Мастером, который, как это принято у него, взял да и превратил всех людей на планете в копии самого себя (да, Клара, тебя тоже, дорого бы дал, чтобы увидеть это). Потом находчиво спас друга от радиационного отравления, стал умирать от радиационного отравления, попрощался со всеми лучшими друзьями, потому что умирал от радиационного отравления, умер от радиационного отравления, регенерировал и сделал себе мысленную пометку о том, что надо бы извиниться перед всеми друзьями, потому что насчет прямо уж смерти от радиационного отравления он все-таки слегка преувеличил. Потом разнес садовый сарай, которому хватило глупости врезаться в ТАРДИС во время очень даже успешной аварийной посадки, познакомился с девочкой с оранжевыми волосами, изобрел рыбные палочки с заварным кремом, устроил взбучку огромным летающим глазным яблокам, которые шастали вокруг Земли с не самыми дружелюбными намерениями, расстроил загадочные планы Заключенного Ноль (причем планы были настолько загадочные, что никто так и не выяснил, в чем они вообще заключались), а потом побежал обратно в ТАРДИС и целых семь с половиной часов досадливо протаращился на себя в зеркало.

Зеркало он нашел в трехпалой руке клоуна-робота, который стоял в одной из густо поросших плющом ниш каменной палубы и тикал – в одиночестве и в спячке, как и почти всегда.

Доктор сел на пень от рухнувшей колонны и там, среди обломков опавшей и увитой плющом кирпичной кладки, углубился в самосозерцание. Прежде всего он обратил внимание на скулы – худые и острые. настолько острые, что Доктору даже стало любопытно, каким образом они сходятся сзади. Он поднес зеркало к затылку, чтобы посмотреть, но понял, что своего отражения больше не видит. Он быстро оглянулся, но, к сожалению, так же поступило и его отражение.

– А, – понял он и широко улыбнулся. – Так на этот раз я болван! – Это было приятно, болваном Доктор быть очень любил. Он попытался радостно похлопать в ладоши, обеими руками промахнулся и случайно обнял сам себя. – Вероятно, слегка неуклюжий, – отметил он и поднял самый большой осколок разбитого зеркала, которое каким-то образом ухитрилось улететь в другой конец комнаты после неудачной попытки похлопать.

Доктор заметил, что волос у него теперь много. Увы, не рыжих, скорее каштановых. И густых. Он попытался сосредоточиться на огромной челке, которая летала у него над бровью, покрутился немного и тут же почувствовал головокружение. Взглянув в зеркало еще раз, он заметил за своей спиной тикающего клоуна, который прошаркал в галерею. Надо бы разобратся с ним как-нибудь, подумал Доктор. Он уже почти пришел к мысли, что как-то слишком уж смазлив, но повернулся к зеркалу боком и увидел подбородок, который венчал собой нижнюю половину его лица, как трамплин.

– Да я же теперь бананоголовый! – расхохотался Доктор. – Мистер Месяц! У меня лицо как сапог!

Да, весьма и весьма неплохо, решил Доктор. Очень в его стиле. Немного красив, немного нелеп, немного похож на банан. Он быстро произвел подсчеты, вместо доски используя пыльный пол, и понял, что это его одиннадцатое лицо.

– *Неверно*, – прошептал голос ему на ухо. Рука Доктора замерла в пыли. В тишине галереи его сердца вдруг забились очень громко. – *Станешь ли ты отрицать меня?* – прошептал голос.

Доктор глубоко вздохнул и отмахнулся от голоса. Просто тревожность, последствия регенерации, ничего больше.

– Одиннадцатое! – сказал он вслух и очень твердо. И, по приятному совпадению, одиннадцать оказалось его новым любимым числом. Доктор встал и хотел снова попробовать хлопнуть в ладоши, но решил, что будет разумней сначала потренировать руки.

По правде говоря, за прошедшие годы обуздать свои руки Доктор так и не смог и в конце концов пришел к выводу, что его центры речи неким образом напрямую связаны с руками. Он просто не мог произнести ни единого слова, не размахивая руками перед собой, – они походили на двух птиц, стремящихся вырваться из сетей. Доктор был уверен, что левая даже пытается изображать движения его губ. Иногда он так увлекался, наблюдая за собственными жестами, что замолкал, и руки тоже замирали прямо в воздухе. Со стороны это выглядело так, будто он сдается, и не раз оказывалось очень сильно некстати. Ну почему его руки не могли просто поправлять бабочку, как ему хотелось?

Клара беззвучно смеялась. Доктор посмотрел на нее и обнаружил, что Клары нигде поблизости нет. Ну вот, опять. С ним такое частенько бывало – начнет разговаривать с человеком, а рядом ли этот человек вообще, даже не проверит. Доктор грустно посмотрел на две чашки чая, которые налил для себя и Клары, и вспомнил, что она ушла на эту свою дурацкую работу, которая была ей зачем-то очень нужна. А ведь можно было бы путешествовать, смотреть на чудеса Вселенной и паровые двигатели. Доктор попытался рассердиться, но смог только вздохнуть. С собой разговаривать он, конечно, любил, но со зрителями было интереснее.

И вот утром того самого дня, который навсегда изменил его жизнь, Доктор, ранее известный как Воин и также известный как последний Повелитель времени, считающий, что бабочки – это круто и круче только фиолетовый твид, решил, что ему скучно.

Несколько секунд спустя синяя будка возникла из ниоткуда в поле на окраине Лондона и перепугала корову, которая в гордом одиночестве там паслась. Доктор выглянул наружу и потянулся к телефону в небольшом ящичке за дверью. Одним скучным вечером Доктор решил, что, раз уж его машина времени выглядит как телефонная будка, телефон в ней неплохо бы и починить.

– Здравствуйте, я совершенно нормальный человек и звоню спросить, не выйдет ли Клара Освальд поиграть.

Мистер Армитедж, директор школы Коал-Хилл, закатил глаза так, что получилось почти вслух.

– Неправда, вы Доктор, пришелец из космоса.

– А вот это уже немного расизм. Толерантность у вас в заведении, я смотрю, процветает.

– Мисс Освальд выйдет, когда закроется школа.

– Так до этого же еще семьдесят три года, – возразил Доктор. – Пожар тогда был огого, скажу я вам.

– Я имел в виду сегодня. Закончатся уроки, потом состоится педсовет, и Клара освободится примерно в 17.15. Погодите, пожар? Что еще за пожар?

– 17.15? Все равно это целая вечность.

– Да у вас же машина времени есть!

– А вы откуда знаете?

– Наш завуч – ваш давний друг.

– А он занят?

– Да, они вместе с Барбарой прямо сейчас уезжают в свой четвертый медовый месяц.

– Пусть меня подождут, я с ними поеду!

– *Конец!* – выдохнул мистер Армитедж.

– *Конец? Конец чего?* – удивился Доктор.

– Простите? – недоуменно переспросил мистер Армитедж, а потом добавил: – *Конец бездействию! Слишком долго я сидел сложа руки!*

– *Сложа руки? Вы вообще о чем?*

– Я про руки ничего не говорил, – вздохнул мистер Армитедж. – Я говорил, что, если вы мне скажете, где находитесь, я передам адрес мисс Освальд, и она сможет встретиться с вами позже, *вы не оставляете мне выбора, сегодня этой войне придет конец, конец, конец!*

Доктор схватился за консоль, чтобы она перестала трястись, – вот только дрожала на самом деле совсем не консоль. Это был голос не мистера Армитеджа – по крайней мере, не его одного. Доктор знал этот голос.

– Доктор? – позвал мистер Армитедж.

– *Доктору конец*, – прошептало нечто давно умершее.

Почему теперь? Почему он слышит этот голос сейчас? Все давно свершилось, давно забыто, ни к чему вновь вспоминать об этом. Доктор зажмурился и представил, что все тайные дни его жизни заперты под замок в старом дубовом сундуке на самом дне глубокого зеленого моря. Раньше это всегда помогало забыть о прошлом прежде, чем оно успевало вырваться на свободу, – но на этот раз цепи, сковавшие сундук, оказались ржавыми и поломанными, и крышка его стала подниматься. Доктор испуганно распахнул глаза и увидел, что консоль трясется пуще прежнего.

– Доктор, вы еще там?

Мистер Армитедж! Доктор быстро и максимально точно сообщил ему, где находится («Ну, здесь поле, дорога и корова!»), и повесил трубку.

Нет, размышлял он, блуждая по ТАРДИС и грохоча шагами по стальному полу. Нет, нет, нет! Некоторые вещи давно в прошлом, и туда им и дорога. Доктор схватил самую скучную из своих книг, сел на вторую по любви лестницу и стал раздраженно читать. Это была книга по сложной темпоральной теории, а он уже несколько дней убил, пытаясь найти в ней Уолли. И даже начал полагать, что, возможно, Уолли есть не в каждой книге, но кто его знает?¹

– *Ты лишь пытаешься укрыться в своем чудачестве*, – шепнул кто-то ему на ухо.

Доктор углубился в чтение скучных слов и сделал вид, что ничего не слышит. Те дни давно миновали, а с ними миновала и тьма. Разумеется, Доктор знал, что это не совсем так. Когда живешь в машине времени, прошлое никуда не уходит и не остается позади, как ни мчись прочь, – оно всегда поджидает за дверью. А иногда, как, например, сейчас, еще и стучит.

Но нет, решил Доктор. Он просто посидит здесь, почитает книгу, подождет Клару, а когда она придет, они улетят на поиски приключений и по пути, может быть, даже угостятся коктейлями. Прошлое осталось в прошлом, и никоим образом ни в каком виде оно больше мне не грозит.

Клара Освальд ворвалась в ТАРДИС с ревом и порывом ветра, в последний миг свернула у консоли и с визгом шин затормозила. Доктор, не отрывая глаз от книги, пришел к выводу, что приехала она на своем мотоцикле. Рисуеться, как всегда. В отместку он не стал оборачиваться к ней и только перевернул страницу.

– Сквозняк! – сказал Доктор и услышал, как Клара щелкает пальцами. Двери ТАРДИС захлопнулись сами собой. Доктор давным-давно начал учить Клару этому трюку со щелчком,

¹ «Где Уолли?» – серия детских книг Мартина Хендфорда, в которых нужно найти определенного человека, Уолли, на картинке со множеством людей. Вопрос о том, в каждой ли книге можно найти Уолли, еще поднимется позднее в серии «Слушай». (Примеч. перев.)

уверенный, что она годами будет его осваивать. Но Клара почти сразу научилась и могла щелкать пальцами даже в перчатках, что у самого Доктора никогда не выходило.

– «Поле и корова», серьезно? – слышался ее голос с блэкпулским акцентом. – Хорошо еще, что ты датчик слежения сюда додумался поставить.

– Не желаешь ли отправиться в Древнюю Месопотамию? – предложил Доктор. – А потом на Марс будущего?

Он оглянулся. Клара уже снимала шлем, взметая волосами, а мотоцикл затихал у нее за спиной. Она смотрела на Доктора взглядом, при виде которого он втайне радовался, что эти большие карие глаза и самая дерзкая улыбка во Вселенной на Повелителей времени вроде меня не действуют.

– А коктейли будут? – спросила Клара.

– На Луне.

– Луна, пожалуй...

Мотоцикл едва не угодил ей прямо в голову, подскочив и врезавшись в книжный шкаф. Лестница, на которой сидел Доктор, вдруг оказалась у него над головой, центральная консоль завертелась высоко наверху, а Клару с Доктором зашвыряло по стенам комнаты управления, как носки по стиральной машине.

Глубоко под Лондонским Тауэром, в комнате без номера, которой нет ни на одной карте или схеме и ни в одном документе, среди лабиринта полок, ниш, бронированных дверей и герметизированных комнат находится маленький синий сейф, на котором написано «ТАРДИС». Внутри лежит несколько запечатанных конвертов, один из которых, судя по виду, недавно вскрывали и запечатывали обратно. А внутри него – документ, состоящий из нескольких страниц и посвященный мерам, которые необходимо предпринять при «обнаружении ТАРДИС». Он гласит, что ТАРДИС – самое могущественное и опасное произведение инопланетных технологий из тех, что регулярно посещают Землю, и что попасть в дурные руки она ни в коем случае не должна, иначе последствия будут весьма плачевны. Далее говорится, что Доктор нередко паркует ее где попало, и, хотя проникнуть внутрь машины практически невозможно, опасность слишком велика, чтобы не принимать ее во внимание. Поэтому в случае, если ТАРДИС будет замечена персоналом ЮНИТа (несколько фотографий полицейской будки прилагаются), об этом нужно немедленно сообщить в Центральное командование. Затем специальный вертолет доставит ТАРДИС в ближайший охраняемый служебный участок, а Доктора проинформируют о ее новом местонахождении. Обычно никаких сложностей в результате не возникает, поскольку Доктор редко запоминает, где оставил свой корабль.

А ниже под печатным текстом можно обнаружить записку от Доктора, написанную довольно корявым почерком – вероятно, в минуту раздражения:

Только можно, пожалуйста, пожалуйста, ПОЖАЛУЙСТА, сначала проверять, нет ли в ТАРДИС меня?

– Ну почему нельзя просто постучать?! – взвыл Доктор. Ветер ревел в ушах, вертолет грохотал, а весь мир перевернулся вверх тормашками. Доктор висел головой вниз, болтаясь в распахнутых дверях ТАРДИС с телефоном у уха. Клара держала его за лодыжки, а река Темза величаво извивалась далеко внизу.

Как только ТАРДИС подняли в воздух, Доктор сразу понял, что происходит, и кинулся к зазвонившему телефону. Вывалившись за двери в сотнях метров над Лондоном, Доктор уже не в первый раз призадумался о том, что размещать основное средство связи снаружи корабля не всегда разумно. Он успел схватить телефон, а Клара – его лодыжки.

– Прости, пожалуйста! – воскликнула Кейт Летбридж-Стюарт, глава ЮНИТа – единого оперативно-разведывательного спецподразделения. – Мы понятия не имели, что ты все еще там!

– Да ты же сама мне сюда звонишь! – завопил Доктор, надеясь, что Клара его удержит.

– Но ты сказал, что этот номер – твой мобильный.

– Это же ТАРДИС, куда еще мобильнее?

– Он все еще в ТАРДИС, – сказала Кейт кому-то другому. – Скажи пилоту, чтобы доставил его прямо на место происшествия.

– Происшествие? Что еще за происшествие?

– Прости, Доктор, но ты нам нужен.

– Нужен? Зачем, почему?

– По королевскому приказу.

«Какому-какому приказу?» – хотел спросить он, но порыв ветра выбил трубку у него из рук. Она закружилась на кабеле и треснула Доктора по затылку.

Когда в глазах прояснилось, Доктор увидел, что из-под огромной каменной шляпы на него смотрят пустые каменные глаза и удивленно склонивший голову голубь. Да уж, Нельсон видал лучшие дни, вяло подумал Доктор. Статуя проплыла вверх, а за ней – колонна. И только тогда Доктор понял, что его опускают на огороженный участок Трафальгарской площади, а солдаты ЮНИТа далеко внизу вытягиваются в струнку и салютуют ему.

Ошеломленный, перевернутый вверх ногами и слегка крутящийся в воздухе неофициальный и бесплатный научный советник ЮНИТа попытался принять солидный вид, изобразив воинское приветствие в ответ, и заехал себе по лицу.

Метрах в шести внизу Кейт Летбридж-Стюарт подавила вздох. Она знала, что многие из ее коллег впервые в своей жизни видят легенду ЮНИТа, и поэтому из всех сил сохраняла серьезное лицо. Рядом с ней Осгуд еле-еле сдерживала восторги – тарщила свои большие круглые глазницы за большими круглыми очками и даже иногда вспоминала, что нужно дышать.

– Ингалятор, – велела Кейт, и Осгуд сделала вдох, все так же глядя вверх. Подожди, подумала Кейт, еще увидишь: он не такой, как ты думаешь.

– Он тот еще болван, – объяснил Кейт отец много лет назад. Они находились в исследовательском институте ЮНИТа в дальнем углу длинной лаборатории. Высокий мужчина с копной кудрявых волос громоподобным голосом заявлял, что его поймали в какое-то силовое поле, а темноволосая девушка между тем терпеливо высвобождала из плена его шарф, который зажало дверью. Кейт с любопытством уставилась на шарф. Он был до нелепости длинным и разноцветным. Кто станет такой носить? Ей тогда было всего семь лет, но она догадалась, что это и есть тот страшный и забавный человек, который работал с ее отцом и иногда спасал целый мир.

– Доктор?

– Да, Доктор, – ответил ее отец. Он, казалось, всегда немного сердился, когда вспоминал старого друга. Его усы подрагивали, будто раздражались сами по себе.

– Ты ведь вроде говорил, что он гений?

– Гений, конечно. Самый удивительный гений на свете.

Доктор снова загрохотал:

– Да, Сара, я знаю, но и силовое поле тут тоже может быть!

– Значит, он не всегда гений? – спросила Кейт.

– Да нет, как раз всегда, – ответил отец скорбно.

– А болван он когда?

– Тоже всегда.

– Ерунда какая-то, – сказала Кейт, поразмыслив над этим секунду.

– Да, в том-то и суть, – ответил он. Доктор уже шагнул к ним, и отец, как обычно, распрямил плечи и натянул улыбку пошире. Много лет спустя Кейт обнаружила, что и сама так делает.

– Доктор, – сказала она. – Позволь принести тебе официальные извинения от имени ЮНИТа.

– Кейт Летбридж-Стюарт, учти на будущее! – сказал тот же самый и одновременно совершенно иной человек, поднимаясь на ноги. – Уверен, твой отец тебе не раз говорил... – продолжил он. – Я не люблю, когда меня цепляют!

– В его мыслях это наверняка звучало лучше, – сказала красивая девушка, подходя к ним. Она только что вышла из ТАРДИС, которую наконец поставили на площадь. Ах да, вспомнила Кейт. Клара Освальд, учительница. И где он только их находит?

– Я действую по приказу, исходящему напрямую от престола, – сказала Кейт и кивнула Осгуд – на которой, как только сейчас к своему ужасу заметила Кейт, был нелепый длинный разноцветный шарф. Господи боже, сейчас ну никак не время для фанатства.

Осгуд передала Доктору толстый старый конверт. Он осмотрел восковую печать с выражением, похожим на тревогу. Кейт нахмурилась: тревога это была или, скорее, чувство вины? Вслух она сказала:

– Запечатанный приказ Ее Величества Королевы Елизаветы Первой.

– Королевы? – удивилась Клара, ухитрившись распахнуть глаза еще шире. – Первой? Простите, Елизаветы *Первой*?

– Елизаветы *единственной*, – рявкнул Доктор, который вдруг перестал казаться клоуном. – Она не любила, когда ее нумеровали, и я ее прекрасно понимаю. – Он с сомнением посмотрел на конверт, будто не хотел его открывать, даже держать в руках не хотел. Вот вам и любопытная натура. – Откуда нам знать, что письмо настоящее?

– Верительная грамота внутри, – ответила Кейт.

С заметной неохотой Доктор уже собирался сломать печать, но Кейт удержала его за локоть.

– Нет, – сказала она. – Внутри, – и указала на большое изысканное здание позади них.

– В Национальной галерее? – спросила Клара. – Что же это за верительная грамота такая?

– Отличный шарф, – сказал Доктор Осгуд, шагнув к лестнице, и бедняжка схватилась за ингалятор. Клара бросилась за Доктором.

Кейт смотрела им вслед и старалась не хмуриться.

– Порой он фигляр, – сказал ее отец, когда его сковала последняя болезнь. – А порой – древний зверь. – Он рассмеялся и от этого снова закашлялся, а Кейт пришлось усадить его и принести воды. Когда он наконец пришел в себя, то уточнил: – Пожалуй даже, он всегда и тот, и другой. – И улыбнулся. В детстве Кейт всегда утешала эта улыбка; теперь же с ней отец только словно постарел и исхудал еще больше. Они сидели в тишине, и слышно было лишь, как тикают часы и барабанит в окно дождь.

– Господи, как мне его не хватает, – сказал он наконец.

– Может быть, он навестит тебя завтра, – ответила Кейт, крепко сжимая руку отца.

– Может быть, завтра. – Он улыбнулся и закрыл глаза.

За прошедшие годы Кейт так и не решила, были ли эти последние слова самыми лучшими или самыми печальными на свете.

Доктор с Кларой шагали по безлюдной после эвакуации галерее, а Кейт шла за ними.

– Ты был с ней знаком? С Елизаветой Первой? – спросила Клара.

– Единое оперативно-разведывательное спецподразделение, – ответил Доктор.

– Что?

– Они. – Он махнул рукой на солдат, охранявших здание. – ЮНИТ. Исследуют всякие инопланетные штуки.

- Вроде тебя?
- Я на них работаю.
- У тебя есть работа?
- А что такого? Люди частенько где-нибудь работают. У меня бы отлично получилось.
- Да нет у тебя никакой работы.
- Нет, есть, вот она.
- Ну какая у тебя может быть работа?
- Вот такая. Это моя работа, и я прямо сейчас ее работаю. – Доктор обернулся к Кейт и демонстративно закатил глаза.

Кейт едва удержалась, чтобы не залепить ему пощечину. Неужели он в самом деле никогда об этом не упоминал? Они с Кларой явно были по меньшей мере друзьями. Неужели он никогда не рассказывал ей, что провел годы в ссылке на Земле под защитой ее отца, работал с ним? Они вместе охраняли мир, были приятелями. Даже лучшими друзьями, как ей казалось. Кейт постаралась не вспоминать, как умирал в хосписе старый солдат. Может быть, завтра.

«Мне очень жаль», – послышался голос у Кейт в мыслях, и она почти застыла на месте. Кейт знала, что Доктор иногда использует телепатию, но на низком уровне и очень редко. – *Мне тоже его не хватает».*

Не сейчас, подумала Кейт в ответ. У нас есть работа. Она почувствовала, как краснеет и сжимает зубы – уж можно было бы проявить уважение и не лезть к ней в голову!

«Как пожелаешь», – ответил Доктор и вежливо отступил. Но, вернувшись к своим мыслям, я взял образ умирающего отца Кейт с собой и отложил на потом – образ Алистера, который ждал меня. «Каждый должен нести бремя своих грехов», – сказал я как-то одному юноше, но не помнил, кому и зачем. Клара поглядывала на меня, и я продолжил шагать вперед и улыбаться, как она ожидала. Фигляр и древний зверь – неужели таким меня считал Алистер? Неужели таким меня считала и Клара? Мне захотелось заглянуть ей в разум, но я удержался. Перед нами раскрылись двери, и я заставил себя вернуться мыслями в настоящее. У нас есть работа! Я распрямил плечи, поправил бабочку, и в комнату вошел Доктор.

В дальнем конце длинной темной комнаты по обе стороны от картины стояли на страже двое солдат. Картина была размещена на мольберте и занавешена тканью, как нечто запретное. А может быть, просто чтобы не запылилась – и почему он вечно в первую очередь выдумывает что-нибудь зловещее? Доктор отмахнулся от крупницы своего разума, которая тут же услужливо взялась составлять список всех причин в хронологическом порядке.

Кейт вышла вперед и кивнула солдатам. Ткань сняли, и масляная картина осветила комнату, будто камин.

Разрушенный город под черно-оранжевым небом. Боевые корабли на пылающем горизонте. Сложный решетчатый узор энергетических лучей. Бегущие люди, застывшие в крике.

Доктор чувствовал, как два сердца колотятся у него в груди. Он даже задумался, не слышат ли и остальные их биение.

– Верительная грамота Елизаветы, – сказала Кейт, и голос ее теперь звучал откуда-то издалека. – Она оставила указания о том, где найти картину, и отметила, что она имеет для тебя особое значение.

Доктор не находил слов и не сводил взгляда с картины. Неосознанно он взял Клару за руку, но страшно было вовсе не Кларе.

– Но вызвали мы тебя не из-за нее. Это просто доказательство того, что послание – действительно от самой Елизаветы. Разумеется, учитывая, сколько прошло времени, это может быть и подделка.

Доктор попытался разобрать ее речь сквозь рев, исходящий от картины, но не сумел, да и все остальные в комнате тоже не могли. Ведь все присутствующие слышали эти крики,

верно? И тут, глубоко из недр его души, из другого места и другой жизни, прозвучали его слова: «Конец».

– Это ее название! – воскликнула Кейт, явно удивившись.

– Я знаю! – рывкнул Доктор и потянулся, чтобы взять Клару за руку, но понял, что уже ее держит. Клара дрожала, но теперь он смутно осознал, что дрожит все же не она.

– Картина также известна как...

Не надо, не говори, *не произноси этого вслух!*

– Падение Галлифрея, – договорила Кейт.

Секунду Доктор молчал. Он заметил, что Клара сжала его руку очень крепко, а потом встревожился, что ей может быть больно, и отпустил. Затем заставил себя подать голос.

– Это падение Аркадии, – сказал он. – Второго по величине города Галлифрея. – *Ну давай, скажи, скажи, просто скажи!* – Последний день Войны Времени.

Последний день. Пол задрожал у него под ногами. Неужели от картины исходили взрывные волны?

Последний день. Он вернулся на Карн, столько лиц назад, и пил яд, готовясь шагнуть в бурю.

Последний день. Пустыня была горяча у него под ногами, а на горизонте виднелся крохотный сарай.

Последний день. Елизавета Английская склонила голову, ожидая поцелуя, но это была не она.

Последний день. Он оказался заперт в темнице с двумя стариками, которые его ненавидели, но тени скрывали их лица.

Последний день. Он стоял в галерее, и Клара спрашивала, все ли с ним в порядке.

Последний день Войны Времени. Он вдруг понял, что это неверно. Потому что неким образом все эти разные дни его жизни были все тем же, последним днем. Неким образом последний день превратился в миллионы дней, и каждый из них был последним, пусть это и невозможно. «*Не бывает ничего последнего!*» – услышал он крик и смех в своих мыслях.

И, будто болезнь, его настигло понимание: истина, от которой он бежал столетиями. Давным-давно он решил стать воином, а много лет спустя вздумал, что сможет забыть об этом. Как глупо. Разумеется, не сможет! Он выпил яд, шагнул в бурю, а назад так и не выбрался. Он отказался от своего имени, отправился на войну и в один ужасный миг небывалой жестокости уничтожил их всех – и далеков, и Повелителей времени. Все кричали, а затем всё прекратилось.

Убийца стоял, одинокий и живой, в страшном безмолвии и говорил себе, что поступил как должно. Что заветный мир оправдывает любые средства. Что война наконец закончилась.

Разумеется, он ошибался. Война не закончилась. Только не для меня.

СОЕДИНЕНИЕ УСТАНОВЛИВАЕТСЯ...

СОЕДИНЕНИЕ УСТАНОВЛЕНО...

СОЕДИНЕНИЕ СТАБИЛЬНО.

ПОЖАЛУЙСТА, В ЦЕЛЯХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ

НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ ИЗБЕГАЙТЕ ПОПАДАНИЯ НА ПСИХОБУМАГУ

ПРЯМЫХ СОЛНЕЧНЫХ ЛУЧЕЙ

Что бы там ни говорили по этому поводу современные авторы, у любой истории рано или поздно должно быть начало. А потому давайте наконец перейдем к первой главе под названием «Война Доктора». Если суть последнего дня Войны Времени все же возможно постичь, то за ним следует первый шаг этого путешествия. Или, в данном случае, третий. Ох уж этот прямой эфир, напишешь что-нибудь, а потом, когда поймешь, что сам себе противоречил, будет уже поздно. В общем, авторство – все еще главная тема нашего исследования, так что

выплюньте-ка жвачку. Писать этот текст и без вашего чавканья не так-то просто. Да, я это вам говорю. Выбросите ее, пожалуйста, вы людям читать мешаете.

Отлично, спасибо!

Так вот, авторство. Уверен, вы поняли, что прошлую главу написал сам Доктор. Если по правде, почти все «Заметки Доктора» написаны им самим, по крайней мере в этом мы можем быть уверены. Девятая глава, «Истина Доктора» – единственная, в которой насчет авторства есть сомнения (вы поймете почему, когда мы до нее дойдем), но большинство исследователей сходятся во мнении, что и ее тоже написал Доктор.

А! Я чувствую, что некоторым из вас не терпится сейчас же перейти к девятой главе. Пожалуйста, не надо, это очень сильно усложнит мою текстовую трансляцию. Кроме того, девятая глава – самая опасная в книге (поэтому ее даже в оглавлении нет), и прежде чем ее читать, необходимо пройти особый инструктаж...

А ну-ка стоять, вернитесь назад. Да не вы, а вот вы. Читать эту книгу не по порядку крайне не рекомендуется – в ней и так уже все не по порядку. Ну, если вам очень хочется, то ладно. Но если вы прочтете девятую главу сейчас (не надо, там страшные спойлеры), возвращайтесь обратно сюда и читайте следующий абзац вместе с нами.

Отлично! Все снова здесь. Первая глава ждет вас. И я могу наконец поведать вам, что эта глава, в отличие от предыдущей, написана не Доктором.

Читайте внимательно и постарайтесь не поддаваться чувствам. Потому что именно в этот день Доктор убил их всех.

Глава 1

Война Доктора

Она не слушала, и я знал, что вряд ли станет.

– Он здесь, – сказал я, сдерживая панику в голосе. – Я слышу его там, за дверью. Он в Нулевом хранилище времени. Доктор в Нулевом хранилище времени!

Поначалу ответом мне служили лишь помехи связи. Даже здесь, глубоко под землей, грохот в небесах с каждой секундой становился все громче. Грязь и живое волокно стекали на меня с треснутого потолка, а последняя из ламп аварийного освещения стала мигать. Далеки бросили на самое сердце Галлифрея все силы – это могла быть только финальная атака. До конца оставалось недолго. Переговорник снова затрещал, и я ударил по нему кулаком. По правде сказать, удивительно, что он вообще еще работал.

Ее голос явился мне, как чудо.

– Доктор сейчас находится в Аркадии, сегодня утром он был замечен там...

– Сегодня утром он там и был! – рявкнул я на нее. – Взорвал кучу далеков и написал слово «Конец» на стене термоядерным бластером! Знаю я, где он был утром, все это знают! Но с тех пор уже много часов прошло...

– У нас нет причин полагать, что Доктор сейчас в Капитолии.

Могли бы просто меня послушать, хотел крикнуть я, но сдержался и спокойным тоном продолжил:

– Вчера он был на Скаро. Взорвал большую часть императорского флота, угнал боевой корабль и половину города выжег, оставив след из букв. Знаете, что было в этом его послании? «Конец»! Понимаете? Он обращается и к далекам, и к Повелителям времени!

Снова треск. Когда она вновь подала голос, то заговорила испуганно и одновременно монотонно, будто уже репетировала этот текст.

– Доктор весьма своенравен, и его действия нередко настораживают своей непредсказуемостью, но тем не менее он явно на нашей стороне.

– Он уже много веков как не Доктор и ничьих сторон не признает. Он только что объявил войну далекам и Повелителям времени, а сейчас находится в Нулевом хранилище. Знаете, что там?

Разумеется, она знала. Все знали, хотя быть в курсе никому не полагалось.

– У нас нет данных о том, что какое-либо из Хранилищ времени было взломано.

– А я стою здесь, прямо у дверей, и они запечатаны, но я знаю, что он там!

– Двери можно открыть только отсюда.

– Да знаю я, неужели думаете, что не знаю? А еще я знаю, что он все равно там!

– Но откуда? – спросила она так испуганно и тихо, что я едва различил слова.

– Я его чувствую. Чую. Мы вместе выросли и всегда были ментально связаны. Прошу, поверьте мне: я знаю этого человека, знаю, что он в Хранилище, и знаю, что именно он намерен делать.

По молчанию в ответ я понял, что она мне не поверила. Кто бы ни была эта дама, глупой ее не назвать.

– Вы с ним говорили? – спросила она наконец.

– Да незачем с ним разговаривать, нужно просто его прикончить! – гаркнул я. – Я помогу, у меня отлично получается его убивать, мне не впервой. Прошу, просто передайте Генералу, что он здесь!

Молчание. Затем:

– Минутку.

Я прислонился к стене и почувствовал, как дрожит город. Представил себе, что происходит наверху, в командном центре. Она просит Генерала выйти на пару слов, поначалу он сердится, а затем хмурится. Нулевое хранилище времени, думает он. Последнее пристанище Момент, известного также как Пожиратель галактик, – оружия столь мощного, столь независимо разумного, что его на бесчисленные тысячелетия спрятали под семь замков и даже в этой страшной войне не прикасались и не прибегали к нему. Если верить легенде, Момент обрел такую мощь, что его интерфейс обзавелся собственным сознанием. Кто бы осмелился использовать оружие такой невиданной силы, зная, что оно может осудить владельца, если пожелает? Вот-вот Генерал осознает, что лишь одному человеку во Вселенной хватит самомнения, чтобы попытаться сделать это. В глазах его замечется паника, и он задумается о том, что случится, если Момент окажется в руках безумца.

Переговорник зашипел.

– Генерал с элитным отрядом уже направляется к вам. Пожалуйста, никуда не уходите.

– Куда я денусь-то? – рявкнул я.

– Я запускаю алгоритм открытия дверей, так что отойдите подальше.

За моей спиной две высокие железные двери задрожали, застонали, и механизмы внутри них стали оживать.

– Генерал еще не пришел! – возразил я. – Не надо пока их открывать!

– Хранилище было запечатано очень долго, неизвестно, сколько времени потребуется на то, чтобы его открыть. Нельзя терять ни минуты!

– Но я здесь совсем один! – закричал я. – Не оставляйте меня *с ним*!

– Полагаю, вам стоит где-нибудь спрятаться.

– Вы меня слушаете или нет? Это он! Он здесь, и у него в руках самое смертоносное оружие в истории Вселенной. Где вы мне прятаться предлагаете?

– Простите, – выдохнула она, и переговорник замолк. Я представил, как она сидит там, совершенно разбитая, в ловушке – наверху далеки, а внизу сам дьявол. Но я знал, что страшился ей осталось недолго. Очень скоро она будет мертва.

К слову, она ошиблась – двери открылись довольно быстро. Более того, они уже распахнулись, дохнув мне в лицо жаром столетий.

Комната была высечена в черной скале, и дальний ее конец скрывался в тени и за пеленой пара. В центре стоял постамент в виде решетки из лезвий, а на нем лежал расписной деревянный куб примерно в треть метра длиной. Он походил на старую шкатулку-головоломку, но, когда я присмотрелся к нему, у меня перехватило дух.

Момент. Пожиратель галактик.

Я унял дрожь в руках, поднял ящик со сверкающей подставки и осторожно положил в мешок. А перед уходом выцарапал слово «Конец» на древнем каменном полу.

Пустыня была горяча у меня под ногами, а на горизонте виднелся крохотный сарай. Где-то за моей спиной, в пылающем городе, Генерал выкрикивал приказы, и даже в минуты падения Галлифрея Повелители времени бросали силы на поиски и казнь Доктора. Почему они до сих пор звали меня так? Человек, которым был Доктор, давно мертв, и убил его я. Все, чем был этот надменный болван-пустослов, сгорело на Карне, и из пламени вышел я. Может быть, они просто утешались надеждой, что меня остановит жалость? Что ж, сегодня они поймут, как сильно ошибались.

Я замер и заставил себя снова зашагать вперед – дом был уже близко.

Примерно в тот миг в каждом доме, что еще остался цел на Галлифрее, и в каждом жилище далеков во Вселенной послышался голос. Он звенел эхом в мыслях всех Повелителей времени и далеков, в любой точке времени и пространства. Это был мой голос. Я передал им

свое последнее послание, и это не принесло мне удовольствия – лишь безмерное удовлетворение.

– Повелители времени Галлифрея, далеки Скаро, я обращаюсь к вам. Слишком долго я сидел сложа руки. Конец бездействию. Сегодня вы не оставляете мне выбора. Сегодня этой войне придет конец. Конец. Конец.

Я на миг задумался о том, как они могли бы ответить на это, но был слишком измотан, чтобы размышлять. Нет, не измотан – слишком стар. Я знал, что постареть еще больше уже не успею. Одно последнее деяние – и все. Конец.

Они могли, конечно же, отследить мою ТАРДИС, но меня уже не нашли бы – я шел много миль, и ветер замел мои следы на песке. Разумеется, если бы хоть кто-то из них, и тех и других, понимал, что такое чувства и что такое жизнь, они бы сразу догадались, куда я иду. Как и положено любому воину, я возвращался к началу. Только в начале можно обрести храбрость, чтобы решиться встретить свой конец. Круг моей жизни замкнулся, и замкнулся он именно здесь.

Сарай был уже передо мной. Он постарел, но таким я его и помнил. Испуганный мальчик спал здесь каждую ночь, но мне было уже не страшно. Конец страхам. Конец мне. Я задумался, нет ли кого из старых знакомых поблизости и не узнают ли они меня в выдавшем битвы старике, который вышел из пустыни. Наверняка нет. Где-то завыл волк, и, полагаю, мне стоило бы заволноваться об этом, потому что в той пустыне волки никогда не водились.

Я открыл дверь. В сарае оказалось светлее и теснее, чем я помнил. Жужжали мухи, древние механизмы ржавели под слоем гниющей ткани, а лучи солнца проникали через зазоры в стенах, освещая землистый пол яркими точками.

Я вытащил из рюкзака ящик. Он лежал посреди соломы и грязи, шелкал, тикал и светился.

– Как же ты работаешь? – спросил я вслух, касаясь его. Все грани были разные, покрытые мозаичным узором золота, блестящего черного металла и некоего другого материала, теплого на ощупь и розового, как кожа младенца. Будто что-то живое томилось внутри, и его кожа просачивалась через трещины. Мне даже показалось, что этого сходства с плотью еще совсем недавно не было, но я отмахнулся от этой мысли – не время для капризов. Я поискал панель управления, хоть какой-то интерфейс, но ничего не нашел. – Ну почему никогда нет простой большой красной кнопки? – спросил я, ни к кому конкретно не обращаясь. Снова послышался волчий вой, как будто мне в ответ и уже гораздо ближе. Я быстро вернулся к двери, но на улице было все так же тихо и очень жарко.

– Эй! – услышал я свой голос. – Здесь кто-нибудь есть?

– Никого, – раздался за моей спиной ответ.

Я обернулся и увидел, что на ящике сидит девушка.

– Просто волк.

– На этом нельзя сидеть! – воскликнул я громче, чем собирался.

– Почему? – Она тряхнула светлой копной волос, наклонила голову и взглянула на меня странными черными глазами. «Красивая», – отметил внутренний голос. Я мысленно захлопнул дверь, прогоняя прочь подобные думы, и напомнил себе, что всего через несколько минут убью эту девушку.

Я подошел к ней, схватил за локоть и потащил к двери.

– Потому что это не табуретка! – гаркнул я. – А самое опасное оружие во Вселенной!

Я вытолкнул девушку на улицу. Она повернулась ко мне, но я все равно сумел закрыть дверь у нее перед носом.

– А почему оружие не может быть и табуреткой тоже? – спросила она, снова оказавшись за моей спиной. Я обернулся. Девушка вновь сидела на ящике, будто и не двигалась с места.

– Как тебе удалось? – спросил я. Попытался убедить себя, что она просто быстро бежит, но сразу понял, что дело не в этом.

– Зачем ты посадил свой корабль так далеко отсюда? Много миль шел пешком. Не хочешь, чтобы она видела? – Девушка посмотрела на меня, уверенная в ответе, будто ребенок. Сарай был мал, кроме нас в нем никого не было, так что избежать ее взгляда оказалось непросто.

– Кто видел?

– ТАРДИС, – выдохнула она с восторгом в глазах, будто произнесла самое захватывающее слово во Вселенной.

Я на Галлифрее, напомнил себе я. Здесь много кто знает, что такое ТАРДИС, даже в пустынях. Закономерная догадка, не более.

– Она против, да? – поинтересовалась девушка. – Ты от нее прячешься, потому что тебе стыдно?

Внезапно она оказалась у самой двери, так быстро, что я даже не заметил движения, и выглянула наружу, в пустыню.

– Ты шел много миль, – сказала она. – Много, много, много миль.

– Я размышлял, – ответил я, ничего не сказав.

– Я тебя слышала. – Она мне подмигнула.

– Что слышала?

– Твои мысли, – ответила она терпеливо, будто разговаривала с каким-нибудь дурачком.

Я знал, конечно, что нахожусь на планете природных телепатов, но за годы я научился защищать свой разум, и никто не смог бы...

– Конец! – выпалила она, и я ощутил холод где-то внутри. – Ко-нец! – повторила она, топая ногой на каждый слог, как ребенок по лужам. – Ко-нец! Ко-нец! Ко-нец! – И вот она уже маршировала по сараю: – Ко-нец! Ко-нец! – будто все, что я сделал, было просто шуткой. Она насмеялась надо мной.

До этого мгновения я даже не понимал, как сильно и как долго был зол.

– Хватит, хватит, *прекрати!* – закричал я и попытался схватить ее за локоть. А она вдруг погладила меня по лицу.

– Конец, – сказала она, и гром у меня в ушах стих.

Она снова склонила голову, изучая мое лицо. В ее глазах не было жалости или осуждения – она будто рассматривала меня под микроскопом. Сколько лет мне было? Насколько одряхла кожа, которой она касалась?

Позади послышалось тиканье. Я отстранился и посмотрел на деревянный куб. Слышно было, как внутри него лязгают и вращаются шестеренки, двигаются и меняются местами панели. Момент оживал, и кем бы ни была та странная девчонка, мне уже было не до нее.

– Он включается! – сказал я ей. – Уходи отсюда, сейчас же!

Я встал у ящика на колени. Что делать дальше? Я коснулся золотой мозаики, но обжег пальцы и отдернул руку.

– Что случилось? – спросила она, разумеется, не обратив ни малейшего внимания на мой призыв убираться прочь.

– Интерфейс горячий, – ответил я.

– Стараюсь как могу, – сказала она. Поначалу я даже не услышал ее слов, потому что заметил, что похожие на плоть кусочки ящика исчезли, как если бы то, что было внутри...

Что она сказала?

Я обернулся. Посмотрел на нее. Встал. И наконец заговорил:

– Я сказал, что интерфейс горячий...

– Верно.

– А ты ответила, что стараешься как можешь...

– Стараюсь, еще как. Это ведь был комплимент?

Я уставился на нее. Единственное объяснение было совершенно безумным, но вместе с тем неотвратимым.

Она была светловолоса, метр пятьдесят один ростом, пятьдесят пять кило весом, с карими глазами (не черными, как мне вначале показалось), в простом платье, которое... Я порылся в словарном запасе и обнаружил, что больше не знаю никаких описаний для платьев. Когда она двигалась, фрактальных повторов и дефектов сжатия было не видно, а частички пыли кружились вокруг нее правильным образом с учетом плотности воздуха, так что мысль о голограмме я отбросил. Когда она касалась моего лица, я чувствовал ее руку, а значит, девушка была физически материальна. По крайней мере казалась – возможности психопроекции я бы исключать не стал. Но нет, я *ощущал* ее присутствие, а вот следы, которые обычно остаются после сенсорного вмешательства – нет. Всеми миллиардами рецепторов, чувствующих, что происходит вокруг, и предупреждающих нас о присутствии поблизости другого живого существа, я *знал*, что эта девушка стоит передо мной. Говорили, что Момент очень силен. Настолько силен, что способен сотворить что угодно? *Стать* кем угодно?

Я посмотрел на нее. Она была настоящей и стояла рядом.

– Красивая улыбка, – раздался ее голос снова, и я спохватился и сжал губы. Девушка выжидательно смотрела на меня – я понял, что молчу уже слишком долго.

– Итак... – сказал я. – Ты – интерфейс.

Физическое проявление искусственного интеллекта самого смертоносного оружия в истории по-девчоночьи пожало плечами.

– Тебе наверняка говорили, что у Момента есть собственное сознание. – Она помахала мне. – Приветик! Я – сознание оружия массового уничтожения, известного тебе как Момент, а большинству прочих – как Пожиратель галактик. – Она подождала немного, пока я осознаю правду. Не знаю, что она увидела на моем лице, но осталась довольна. Рассмеялась, тряхнула волосами и спросила: – Ну, дорогой мой, кого убиваем сегодня?

У меня было столько вопросов, но я не задал ни единого, что еще больше ее развеселило.

– Только погляди на себя. Мечешься между девушкой и коробкой. История твоей жизни, а, Доктор?

Она знала меня? Вряд ли я сказал это вслух, но она все равно ответила.

– Я тебя знаю, – сказала она. – Я тебя *слышу*. Всех вас, бубнящих в твоей пыльной старой головушке. Я выбрала это лицо специально для тебя. Нравится? Оно из твоего прошлого. Или будущего? Вечно путаю.

Не из прошлого точно – уверен, я бы запомнил ее. Но обратное было невозможно.

– У меня нет будущего! – рявкнул я.

– Кажется, меня зовут... Роза Тайлер, – протянула она. Я попытался вспомнить это имя, но не смог. Девушка нахмурилась. – Нет, погоди-ка. Ух ты, а вот это уже интересно. И слегка запутанно. В этом облике меня зовут... – Ее глаза как будто бы сверкнули, и где-то вдалеке я снова услышал вой. – Злой Волк, – сказала она. – Боишься злого и страшного серого волка, Доктор?

– Понятия не имею, о чем ты говоришь, но прекрати звать меня Доктором.

– Это имя в твоей голове.

– Его там не должно быть. Я очень давно сражаюсь на этой войне. Я уже не Доктор.

– И как же теперь тебя зовут?

Я вспомнил Касс Фермации. Вспомнил, как яростно она отшатнулась от меня.

– Никто меня никак не зовет. Я путешествую один.

Девушка нахмурилась, будто обиженный ребенок.

– Не сегодня, – сказала она мне чопорно. – Сегодня ты путешествуешь со мной. Вопрос лишь в том, зачем? Что понадобилось Доктору от старушки-пожирательницы галактик вроде *мунд*?

– Я не Доктор! – повторил я, но она не слушала. По крайней мере, не меня. Девушка склонила голову, в глазах ее мелькнула сосредоточенность, будто она очень пыталась расслышать что-то нужное.

– Ах, далеки, – сказала она. – Так они зовутся? Шумные ребята, да? И вечно такие сердитые. Ты гляди, а эти разноцветные – просто жуть. В мое время далеков не было. Не скажу, что я от них в восторге. – Девушка сощурилась и напряглась. – Их миллионы, и все собрались у этой планеты. Что ж, пожалуй, если ты очень вежливо попросишь и убедишь меня вескими доводами, я могу взорвать их ради тебя. – Теперь она кокетничала, порхая ресницами. Притворялась, что флиртует со мной. – Но ведь ты понимаешь, что если я сделаю это, то и все твои друзья – Повелители времени тоже погибнут?

Я промолчал. Глаза у девушки загорелись, будто я рассказал ей что-то очень интересное. Она расхохоталась и захлопала в ладоши.

– Так в этом и смысл, да? Ох, и озорник же ты! Для человека, который зовет себя Доктором, ты больно уж рьяно рвешься всех прикончить.

– Я не зову себя Доктором! – сказал я. – И не зову уже очень, очень давно.

– Ох... Что это за чувство? – спросила девушка вдруг. – От твоих слов я что-то почувствовала, но не знаю что. Позабыла все названия. – Ее глаза распахнулись шире. – Грусть. Мне грустно. – Внезапно она оказалась совсем близко ко мне, почти вплотную. Кто бы ни была эта Роза Тайлер, уверен, я ее еще не встречал. Такие глаза я не смог бы забыть.

– Так почему же человек, который был Доктором, хочет убить столько людей? – спросила она.

– Война уничтожает реальность. Под угрозой всё.

Она посмотрела на меня недоверчиво.

– И всех нас спасешь ты?

– Да, – ответил я, жалея, что другого ответа нет.

– Если когда-нибудь мне понадобится самоубийство – буду знать, к кому обращаться, – усмехнулась она. – Вот так да, теперь я говорю с сарказмом. Забавная девчонка эта Роза Тайлер, да?

– Если ты слышала мои мысли, то знаешь, что я видел. Каждый миг пространства и времени охвачен огнем. Это должно прекратиться! И я положу войне конец. Единственным возможным способом.

– И ты ждешь, что за тебя это сделаю я? Один большой бабах – и мир во всем мире?

Где-то внутри зазвенел протестующий голос, но я его заглушил.

– Это единственный выход, – сказал я. Единственный. Выход.

– Убей и радуйся, убей и радуйся, убей и радуйся. Вы, живые существа, так трогательно верите в это. Удивительно даже, зачем вы вообще так цепляетесь за жизнь, если большую часть времени только тем и занимаетесь, что пытаетесь ее уничтожить.

– Это единственный выход, – повторил я.

– О, мне такое по силам, – сказала она. – Я это дело люблю, такой уж меня создали. Уничтожение – мой кайф, я живу во власти эндорфинов. Потому-то и обзавелась сознанием и совестью – заволновалась, что слишком увлеклась убийствами и в конце концов убивать станет некого. Нужно ведь что-нибудь держать в кладовке про запас, правильно я говорю? Вот только, понимаешь ли, с совестью возникают сложности, когда ты – психически неадекватный искусственный интеллект самого мощного оружия массового уничтожения в истории пространства и времени. Скажем так: у меня возникли некоторые моральные противоречия, и в результате я впала в уныние и спряталась в темный подвал.

– Тебя на миллиарды лет заперли в самом дальнем хранилище времени, – напомнил я.

– Заперли? – расхохоталась она. – Милый, ты правда думаешь, что хоть кто-то на свете смог бы где-то запереть *меня*?

В чем-то она была права, поэтому отвечать на это я не стал.

– Так ты сделаешь, как я прошу? – спросил я.

– Может быть. Люблю начинать день с массового убийства. Но ты ведь знаешь, как тяжело живется с совестью. И с ней никак, и без нее никуда, правда же? Тут нужны сдержки и противовесы, так уж я устроена. – Она встретила со мной взглядом, и я ясно увидел, что глаза у нее не карие, а все-таки черные. – Я подарю тебе столь желанное кровопролитие... но без последствий не обойдется. Ты понимаешь? Ты понимаешь, каковы будут последствия, Доктор?

Снова это имя. Ну почему люди до сих пор зовут меня так?

– Доктора больше нет, – ответил я. – Я занял его место. И никакого желания жить дальше у меня нет.

Поначалу мне показалось, что она даже не услышала моих слов. Просто смотрела на меня своими черными глазами, а в солнечных лучах кружились и жужжали мухи. Затем она расплылась в улыбке, и воздух вокруг меня похолодел.

– Значит, такова и будет твоя кара, – сказала она наконец.

– Кара?

– Если ты сделаешь это... если используешь меня, чтобы убить их всех – далеков и Повелителей времени... вот тебе последствие. – Теперь это была уже не улыбка. Усмешка. Волчий оскал. Я машинально отступил назад. – Идеальное наказание для воина, ранее известного как Доктор. Ты, старик... – сказала она, подвигаясь ближе и беря меня за руку. – Ты, древний воин... будешь жить.

Ее слова показались мне глупостью. Чушью. Я не мог постичь их смысл.

Она уже ходила вокруг меня кругами, гладила мои плечи, дышала мне на ухо.

– Галлифрей, – прошептала она, будто соблазняя меня. – Ты сожжешь его, и далеков вместе с ним... но еще и всех детей. Чувствуешь дрожь от одной только мысли о малышах? – Она провела рукой по моим волосам. – Сколько сейчас детей на Галлифрее?

Нет! Нет, подумал я, не смей спрашивать меня об этом.

– Не знаю, – ответил я. «Подсчитать нетрудно», – произнес внутренний голос, но я снова захлопнул дверь, не впуская его, на этот раз куда яростнее. Умолкни, Доктор!

– Однажды ты их подсчитаешь. Одной ужасной ночью. Хочешь узнать, кем ты станешь после этого?

Нет, я не хотел.

– Да брось! – она рассмеялась, будто хотела меня подзадорить. Будто все это было лишь детской игрой. – Неужели тебе не любопытно?

Она только взмахнула ресницами. Сначала я ощутил порыв ветра. А когда обернулся, увидел, что дальняя стена сарая исчезла. На ее месте кружилась воронка света и облаков – неспешный, беззвучный водоворот, похожий на спираль дыма в воде. Его бесшумность завораживала. Я почувствовал дрожь в ступнях и потрескивание на коже. Будто передо мной была буря, готовая вот-вот разразиться.

– Что это? – услышал я свой голос. – Что это такое?

Разумеется, я знал и сам. Одним взглядом эта девушка протянула руку меж граней реальности, выхватила из пустоты кусок воронки времени и повесила его на стену сарая. Нет, не девушка, напомнил я себе. Оружие. Самое мощное оружие во Вселенной.

– Я открываю окна в твое будущее, – сказала она. – Проход во времени в грядущие дни, к человеку, в которого тебя превратит сегодняшний день. Я призываю будущее Воина, ранее известного как Доктор!

Послышался низкий глухой гул, подобный волчьему вою, и из воронки вылетело нечто. Я машинально пригнулся, но оно просто упало мне под ноги, не причинив вреда. Я уставился на загадочную вещицу. Попытался понять ее смысл. И не смог.

– Ладно, – пробормотало самое мощное оружие во Вселенной. – Этого я, признаться, не ожидала.

Среди грязи и соломы, слегка дымясь после невозможного путешествия из будущего, которое мне так не хотелось видеть, лежал головной убор. Он был красным, потрепанным и назывался феской.

СОЕДИНЕНИЕ УСТАНОВЛИВАЕТСЯ...

СОЕДИНЕНИЕ УСТАНОВЛЕНО...

СОЕДИНЕНИЕ СТАБИЛЬНО.

ЕСЛИ ВЫ ЗАМЕТИТЕ ГДЕ-ЛИБО В ТЕКСТЕ КНИГИ

**НЕСОГЛАСОВАНИЕ ВРЕМЕН, БЕЗ ПАНИКИ – НА ВСЕ ЕСТЬ ПРИЧИНА,
А ПРАВИЛА НА ЭТОТ СЧЕТ ДУРАЦКИЕ И ДАВНО УСТАРЕЛИ.**

Ах, пожалуйста, я немного лукавил, сказав, что предыдущую главу написал не Доктор. Но ведь это и правда был не он – в те времена Доктор отказался от своего имени и взглядов, с которыми оно было связано. Разумеется, все дружно не обратили на это никакого внимания. В некотором смысле он и сам не обратил, но до этого мы дойдем позже – или раньше – в следующих главах.

К слову о главах: на девятую поступило много жалоб. Слушайте, ну я же предупреждал, что читать не по порядку книгу, в которой не по порядку изложены происходящие не по порядку события, довольно опасно. Так что сами виноваты. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие и помните, что это всего лишь простенькая история об одном приключении одного человека, которое произошло с ним несколько раз и в неверном порядке. Ой, кажется, посреди предложения что-то пошло не так. Неважно, просто держитесь покрепче и делайте как велено. И в девятую главу не заглядывайте, пока вам не разрешат. Повторяю: девятой главы не просто так нет в оглавлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.